

УДК 821.161.1.09-1(470.331)

ПОЭТИЧЕСКАЯ КНИГА КАК ЖАНР В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕОРГИЯ СТЕПАНЧЕНКО

С. Ю. Николаева

Тверской государственный университет
*кафедра филологических основ издательского дела и литературного
творчества*

Творчество тверского поэта Г. В. Степанченко рассматривается в аспекте проблематики и жанрового-стилевого своеобразия и оценивается как факт не столько регионального, сколько общерусского литературного процесса к. XX – н. XXI вв. Особый акцент в исследовании делается на характерном для данного автора жанре поэтической книги.

Ключевые слова: *русская поэзия XX – XXI вв., жанр, книга стихов, цикл, Г. В. Степанченко.*

Тверской поэт Георгий Валентинович Степанченко, москвич по рождению, ржевлянин по прописке, давно уже известен широкому читателю и должен быть представляем просто: современный русский поэт. Он прошел большой путь и успел сделать немало. По общему пафосу своего творчества, по напряженности и масштабности философско-исторической мысли, по остроте социального анализа современной действительности он приближается к почвенническому направлению, исповедует традиционные, национальные, православные, патриотические ценности. Недаром в его стихах довольно много переключек со строками Сергея Есенина, Павла Васильева, Юрия Кузнецова, Николая Тряпкина, Николая Рубцова. Г. Степанченко печатался в журналах «Наш современник», «Русская провинция», «Арион» и других изданиях. Выпустил ряд стихотворных сборников: «Слово» (1992), «Россия» (1994), «Имя звезды» (1997), «Прощание с романтизмом, или Игры с богами» (1998), «Памятник» (1999), «Свет во тьме: Стихи о Христе» (1999), «Родина» (2001), «Новые песни о главном» (2003), «Неизвестный поэт» (2004), «Шекспир и компания» (2009), «Абсолютно свободные стихи» (2010). Награжден литературной премией СП РФ «Традиция» (2001), является лауреатом Международного фестиваля «Славянские традиции» (2009).

Поэзия Г. Степанченко многогранна и с художественной, и с содержательной точки зрения, поэт обладает не просто эрудицией, позволяющей легко отыскивать в памяти разнообразные сюжеты и образы и варьировать их в соответствии с текущей действительностью, – он обладает панорамным мышлением, взглядом на жизнь с высоты птичьего полета, с некой высшей точки зрения. У него есть система ценностей и точка отсчета, которые он использует при анализе современности. Он с большой любовью и трепетом душевным пишет о родном Ржеве, о знаменитых ржевских голубях, о ржевской сирени и целых сиреневых садах, о трагической Ржевской битве

1941-1942 гг. и о сражениях прошлых веков, о ржевских старообрядцах, ржевских храмах, не раз описывает страшный Оковский лес и вспоминает историю об Оковецкой иконе Божьей Матери, явившейся двум татам. Но при этом Г. Степанченко не становится краеведом в узком смысле слова, ржевская земля предстает в его стихах как неотъемлемая часть России, Святой Руси или, пользуясь выражением Вячеслава Шишкова, *Ржаной Руси*. Россию поэт сравнивает с Ярославной из «Слова о полку Игореве», а своих современников – с курянами, ищущими чести и славы, но забывшими в какой-то трагический миг о своем Отечестве. В его стихах можно заметить некие художественные универсалии, присутствие которых подтверждает масштаб его таланта. Например, стихотворение «Тройка» затрагивает классическую тему Руси-тройки:

Озверелая, пьяная сила!
Храп как хохот, погибель как дар.
Вьюга взмыла, и путь заступила,
И бушует, как белый пожар.
Пляшет тройка, безумствует тройка,
По широкой равнине летит... [5, с. 19]

Художественная трактовка этой темы, ключевые концепты в этом стихотворении (*озверелая, пьяная сила, храп-хохот, безумная пляска, погибель*) заставляют вспомнить знаменитую «Тройку» Павла Васильева:

...И коренник, как баня, дышит,
Щекою к поводам припав,
Он ухом водит, будто слышит,
Как рядом в горне бьют хозяев;
Стальными блещет каблуками
И белозубый скалит рот,
И харя с красными белками,
Цыганская, от злобы ржет.
В его глазах костры косые,
В нем зверья стать и зверья прыть,
К такому можно пол-России
Тачанкой гиблой прицепить!
И пристяжные! Отступая,
Одна стоит на месте вскачь,
Другая, рыжая и злая,
Вся в красный согнута калач.
Одна – из меченых и ражих,
Другая – краденая, знать, –
Татарская княжна да б...., –
Кто выдумал хмельных лошажьих
Разгульных девок запрягать?.. [1, с. 101]

При этом стихотворение Г. Степанченко вступает с текстом П. Васильева в полемический диалог, вероятно, с учетом особенностей исторических эпох, к которым принадлежат оба поэта. У П. Васильева «Пристяжка мечет, а вожак, // Вонзая в быстроту копыта, // Полмира тащит на вожжах!» [1, с. 102], то есть звучит оптимизм послереволюционных лет, когда казалось, что Россия имеет исторический шанс возглавить преобразование если не всего мира, то по крайней мере его половины или, как у Есенина, «шестой части Земли». Г. Степанченко пишет свое стихотворение в мрачный период первых лет перестройки 1990-х гг., когда судьба России «вручает приказ палачу» [5, с.19], когда Русь-тройка летит в пропасть и оказывается на краю гибели.

Еще одна знаменательная аналогия – образ избы как русского ковчега во вселенной, словно бы перекочевавшего из поэтического мира Н. Тряпкина в стихотворение Г. Степанченко «Метель» (впрочем, вполне самостоятельное, но вступающее в творческий диалог с современниками и предшественниками):

...Так плыви по сугробам, изба,
Накрываясь бревенчатым боком:
Колыбель, и ковчег, и судьба,
И спасенье в буране жестоком.

Засыпай меня снегом, пурга –
До окон, до соломенной крыши...
Может быть, я засну на века,
Дождаясь веления свыше... [5, с. 22]

Русский ковчег, по мысли Г. Степанченко, должен хранить русского человека, «заснувшего» Илью Муромца, до лучших времен, когда – может быть, через столетия – Господь вновь призовет его на битву со злом.

Особое место в поэзии Г. Степанченко занимает тема исторических судеб России, русского народа и русской веры. Перелом в отечественной истории начала 1990-х гг. воспринимается поэтом как национальная катастрофа, трагедия, но еще и как момент истины: Русская земля в очередной раз оказалась полем битвы против сатанинских сил, стала Третьим Римом, которому суждено спасти православную веру, пройдя «над пропастью», то ли через Калинов, то ли через Чертов мост [4, с. 192–193]. Лирический герой Г. Степанченко остро переживает разрушение государства Российского, ощущает свою эпоху как Смутное время, видит свое предназначение в защите Руси. Он выступает в облике богатыря Ильи Муромца, который, вооружившись мечом и щитом, ждет на Калиновом мосту решающей схватки со злом: «Скоро ль нехристи выйдут на бой? // Как закатится солнце за лес, // Захохочет проснувшийся бес, // Задрожат, заорут лешаки, // Заскрипят, засверкают клыки, // Задрожит, затрепещет земля, // Затрещат, закряхтят тополя: // То к мосту Чудо-Юдо идет // Да погибель с собою несет!» [4, с. 192–193]. Несмотря на удручающее запустение на Руси, когда «глохнет речь и скудеет земля» [5, с. 70], поэт верит в будущее: «Кто сказал, что сошли мы на нет?! Кто сказал, что Россия погибла?!» [4, с. 194]. Г. Степанченко неординарно мыслит, ему претят лживые постсоветские мифы – о Павлике Морозове, о Красном знамени, о

рухнувшей империи, о царях и вождях. Он остроумен в характеристиках исторических деятелей, мастерски использует ролевую лирику при воссоздании революционной и перестроечной эпох:

Пойду я в монопольку,
«Мерзавчика» куплю,
Спляшу с Марусей польку,
Колечко подарю... («Разговор в подполье») [5, с. 39–40]

Вот тогда мы вернемся и ватники драные скинем,
Снова встанем в колонны и грянем «Интернационал»,
Сдернем небо на знамя и сдунем с шелков его иней,
И окажется свет его яростно жарок и ал... («Интернационал») [5, с. 48]

Г. Степанченко может себе позволить написать иронический триптих о Ленине, Сталине и Мао Дзэдуне как о талантливых поэтах (Сталин переводил «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели), которые погибли в политических баталиях. Он жаждет «Правды русской» [3, с. 79] и, перефразируя одновременно Чехова и Блока, критикует современного интеллигент-обывателя, который любит «под севрюжину с хреном // споры в гостиных // о конституции» [3, с. 79] и который мало чего добился либеральными разговорами: «Конституция с хреном // хрен с конституцией // а на хрена нам конституция куцая» [3, с. 80]. Он не верит «лицу нашей, так сказать молодой, демократии», от которого «остро тянет запахом смешанной с благовониями серы» [3, с. 85–86]. Он верит в то, что путь России к возрождению – это путь Христа, то есть возвращение к истокам православия, к национальным истокам.

Одной из наиболее значительных книг Г. Степанченко представляется «Свет во тьме: Стихи о Христе» (1999), явно недооцененная критикой. Это большое лиро-эпическое полотно, авторский цикл или даже авторская книга стихов на евангельский сюжет о земной жизни Иисуса Христа. Опираясь на ключевые мотивы Евангелия, поэт глубоко проникает в судьбу и душу своего героя, раскрывает его страдания, внутренние противоречия, его человеческую и божественную сущность, его роль в судьбах человечества и в судьбах России. По сути дела, Г. Степанченко написал замечательную поэму о Христе. Все стихотворения цикла тесно связаны между собой, плавно перетекают одно в другое: рассказы о плотнике Иосифе и Марии, о рождении Иисуса, о Вифлеемской звезде, о поклонении волхвов, несколько стихотворений о Симеоне-богоприимце, о жестоком приказе Ирода, о бегстве в Египет, о детстве и юности Иисуса, о выборе им жизненного пути и осознании им своего предназначения, о чудесах, им совершенных, о Марфе и Марии, о Лазаре, об учениках, ставших *ловцами человеков*, развернутый диалог с Иудой и судьба Иуды, рассказ о казни и мучениях на кресте, о любви, смирении, воскресении... Современному русскому человеку близка и понятна история жизни Иисуса, в ней он может черпать духовные силы.

Похожий замысел был осуществлен одновременно с Г. Степанченко выдающимся поэтом Ю. Кузнецовым (цикл поэм «Путь Христа», 2000–2001). Тверской автор оказался в магистральном русле развития русской поэзии

рубежа XX-XXI веков и сумел проявить подлинное мастерство, оригинальность. Его книга затрагивает чувства читателя глубочайшим лиризмом, поражает искусной версификацией, разнообразием строфики, ритмики, жанров. Г. Степанченко использует псалом, молитву, притчу, духовный стих, народную песню, вводит и канонические библейские мотивы, и апокрифические сюжеты, и художественный вымысел, без которого невозможно создание истинно поэтического произведения. Многие стихотворения цикла следует воспринимать как лирическую интерпретацию тех или иных состояний души Иисуса и других героев поэмы на разных этапах земного пути Спасителя:

Алое платье твое – опьяняет сильнее вина.
Только завизжу его – и душа ожиданьем полна.
Изнемогаю от снов, не в силах поднять головы...
Скоро стану покорней и глуше забытой дождями травы [6, с. 39].

Что ты молчишь, мати моя?
Что ты сидишь все у окна?
Что ты глядишь в белый наш сад?
Знаю, когда так глядят!
О, не молчи, мати моя!
О, не сиди все у окна!
О, не гляди в белый наш сад...
Я не приду назад [6, с. 45].

Лирический герой Г. Степанченко выступает от лица Иисуса, от лица его матери и отца, его товарищей, соседей, сочувствующих осиротевшей семье умершего Иосифа, выражая человеческую, земную сущность происходящего: «Вдрызг упились в Кане Галилейской: // Как вода, текло на стол вино! // Иисус все, скромник назарейский; // Многое ему, видать, дано!» [6, с. 34]; «“Сынок несчастный! Бедный и несчастный!” – // “А что Мария?” – “Плачет, как всегда...”» [6, с. 35]; «Отец! Иосиф! Боже, ты ли это? // Ты так меня, беспутного, любил!..» [6, с. 36]. Возникает своеобразное многоголосие, полилог. В сочетании с чередованием жанровых и ритмических форм этот прием помогает передать нарастающий драматизм описываемых событий, источник которого – единство противоположностей, человеческого и божеского, земного и небесного в образе героя поэмы и в концепции жизни, которую разворачивает перед нами Г. Степанченко:

Нет, мне не кажется нимало,
Что я – предтеча и пророк,
Что надо мной звезда сияла,
Вонзив лучи в чужой порог;
Что я божественным глаголом
И дерзкой правдой наделен...
Но почему над этим долом
Чудесный не смолкает звон? [6, с. 37]

Думается, совсем не случайно именно эта книга поэта вызвала яростное отторжение ряда критиков. М. Наговицын в весьма иронической рецензии упрекал Г. Степанченко в непоследовательности (Иисус, по мнению критика, изображается им с «человеческой ноткой», а Ирод и римляне – как «совершенные дьяволы» [2]), в тщеславном стремлении издать «сборник юбилейных стихотворений к двухтысячному дню рождения Иисуса» [2]. Критик «недоумевает», недопонимая замысел автора, усматривает в книге некое ёрничество, но на самом деле собственную иронию приписывает поэту, якобы «скептически настроенному» по отношению к евангельскому повествованию о жизни Иисуса Христа. Он поднимает вопрос о том, «каким произведением – светским или духовным – может считаться “Свет во тьме”» [2], и утверждает, что оно «временами выглядит не то чтобы духовным, а даже каким-то фанатическим», даже «иногда начинает напоминать родной соцреализм». Критик дает «уничтожающую», с его точки зрения, оценку книге: «“Свет во тьме” – произведение ещё и идеологическое» [2].

М. Наговицын хотел посрамить поэта, но невольно подтвердил значимость его книги, в которой затронуты ключевые проблемы нравственной жизни современной России и действительно раскрывается глубокая авторская идея. Г. Степанченко написал книгу отнюдь не к «миллениуму» [2]. Христианские мотивы пронизывают его творчество, начиная с самых первых стихотворных сборников. Но рубеж тысячелетий всегда оказывается для творцов предметом поэтической, философской, нравственной рефлексии. Не «день рождения Иисуса», а двухтысячелетний путь христианской цивилизации пытается осмыслить поэт. Не комментарий к евангельским притчам он пишет, а пытается сформулировать национальную идею, которую Россия утратила на рубеже XXI века. И ему это удастся. Мысль Г. Степанченко близка идее Достоевского о том, что быть русским – значит быть православным. Это смысловая доминанта книги, отчетливо высказанная в финальном стихотворении. Простой пейзаж в нем становится метафорой ожидания нового явления Христа, метафорой преображения и возрождения России:

Светятся в охре и в зелени белые храмы.
В огненном сумраке белые свечи горят.
Реки текут. Тихо солнце встает за горами.
Белые-белые лебеди в небе летят.

Крик петушиный. Заливистый звон колокольцев.
Стадо мычащее. Звонкий пастуший рожок.
Сжатая нива стернею колючею колется.
Скоро, наверное, выпадет первый снежок.

Всплеск отдаленный на дне ледяного колодца.
Белый рушник у подножья святого креста.
Эта земля, что от века Россией зовется,
Ждет – не дождется...
И все же – дождется Христа [6, с. 166].

Яркой чертой творческой индивидуальности Г. Степанченко является системность художественного мышления. Он не пишет отдельных стихов – он пишет книги, циклы. Авторский поэтический сборник, в котором присутствует яркий образ автора (лирического героя), выдержано единство тематики и проблематики, реализуется целостный мотивный комплекс, соблюдается определенная последовательность в разворачивании сюжетов и образов, продумана композиция, – его излюбленный жанр.

Так, в сборнике «Россия» сюжетной канвой становится русская история от времен Дажьбожьих внуков до эпохи перестройки, в сборнике «Памятник» судьба Пушкина осмысливается как судьба самой России, сборник «Имя звезды» раскрывает историю любви и вместе с тем духовную историю лирического героя Г. Степанченко, «Слово» – размышления о сущности поэтического дара, данного свыше, «Шекспир и компания» – литературный манифест автора, характеристика его поэтического мировоззрения, поэтических пристрастий. Книга «Абсолютно свободные стихи» – это отнюдь не только формальный эксперимент, «свободный от поэзии», как сказал один из критиков, а декларация истинной свободы поэта. Свободы от ярлыков, предрассудков, социального заказа, политической и литературной конъюнктуры. Свободы в том смысле, в каком ее понимали Пушкин и Чехов. И художественные обобщения в этой книге, несмотря на ее экспериментальный характер, здесь тоже есть, например такие:

теократия аристократия
олигархия автократия
бюрократия гришкокротия
РЕВОЛЮЦИЯ
КАК ПРОКЛЯТИЕ
диктатура Федора-дура
самогонка и политура
заводь тихая – геронтокротия
демо-демоно-дерьмокротия [3, с. 75]

Не стоит обманываться и принимать приведенный фрагмент за авторскую проповедь анархизма – перед нами воссоздана языковая личность типичного российского оппозиционера, и речевые штампы в этой «коллекции» мастерски использованы поэтом для раскрытия его психологии.

Следует признать, что творчество Г. Степанченко, безусловно, заслуживает подробного и последовательного анализа, требует системного, целостного подхода, когда учитываются все произведения, все книги автора и отыскивается место поэта в литературном процессе, в истории русской, а не только тверской литературы. Этой истории он принадлежит уже теперь, имея за плечами обширный творческий опыт, индивидуальный почерк и неисчерпанное, большое будущее.

Список литературы

1. Васильев, П. Н. Сочинения. Письма [Текст] / П. Н. Васильев. – М. : Эллис Лак 2000, 2002. – 896 с.
2. Наговицын, М. Рец. на кн. : Степанченко Г. В. Свет во тьме. Стихи о Христе. – Ржев, 1999. – 172 с. [Электронный ресурс] / М. Наговицын. – Режим доступа:

<http://magazines.russ.ru/volga/2000/4/rec.html>. – Дата обращения: 10.03.2013. – Загл. с экрана.

3. Степанченко, Г. В. Абсолютно свободные стихи [Текст] / Г. В. Степанченко. – Ржев : Ржевская типография, 2010. – 94 с.
4. Степанченко, Г. В. Прощание с романтизмом [Текст] / Г. В. Степанченко. – Ржев: Ржевское производственно-полиграфическое предприятие, 1998. – 211 с.
5. Степанченко, Г. В. Россия. Стихи [Текст] / Г. В. Степанченко. – Ржев: Ржевское производственно-полиграфическое предприятие, 1994. – 74 с.
6. Степанченко, Г. В. Свет во тьме. Стихи о Христе [Текст] / Г. В. Степанченко. – Ржев: Ржевское производственно-полиграфическое предприятие, 1999. – 172 с.

BOOKS OF POETRY AS A GENRE IN GEORGE STEPANCHENKO'S WORKS

S. U. Nickolaeva

Tver State University

The department of philology basics of publishing and literary creation

The poetry works of Tver's poet George Stepanchenko is considered in terms of sensitivity and specificity of genre and style, and it is rated as a fact not as regional as an all-Russian literary process of the end of XX - beginning of XXI century. Particular emphasis is placed on the study characteristic of the author of the poetic genre of the book.

Key words: *Russian poetry XX-XXI centuries., Genre, a book of poems, cycle, George Stepanchenko.*

Об авторах:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова д. 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru